

Петр Дик

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА

В отечественной диалектико-материалистической философии и соответствующей мировоззренческой, идеологической традиции место Ч. Валиханова как мыслителя и общественного деятеля окончательно определилось к середине восьмидесятых. Считалось, что Валиханов был глубоко убежденным материалистом, атеистом, просветителем-демократом.

Существуют и иные философские (мировоззренческие, методологические) основания и, соответственно, другие – действительные и возможные – подходы к анализу личности и творчества Ч. Валиханова, а также новые, конкретные и целостные, оценки персоны. Например, Г. Потанин видел у Ч. Валиханова потенциал скорее писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне, чем выдающегося ученого. В постсоветских реалиях философского плюрализма понятия материализма, атеизма, словосочетания «просветитель-демократ» утратили официальную однозначность советской идеологии. Например, по Гегелю, Просвещение есть реализация веры, есть рефлексия, стоящая на одной ступени с магометанством [1, с. 228]. Гегель называет Просвещение противоположной философии «суетностью рассудка», явно полемизируя с понятием и определением Просвещения в версии И. Канта. Возможно, из-за принципа *широкого* использования разума в *интересах* общественного прогресса идея Просвещения подвергается аргументированной критике, в том числе Ч. Валихановым.

Проблема статьи является частью нашего общего подхода и соответствующей концепции религии как формы культуры-творчества, где религия – *освящение творческого начала, исходного превращения*. Полагаем, что сущность религии состоит в претензии на монопольное владение гарантированным способом реального перехода между пределом мира человека и запредельностью [2].

Наличие этноконфессионального аспекта в творчестве Ч. Валиханова очевидно. Религия и умственное образование народа, в терминологии исследователя, являются обязательной частью его наблюдений, отчетов, статей. Ч. Валиханов сравнивает проявления ислама у казахов, киргизов, татар, других племен и делает выводы об этноконфессиональной специфике так называемых мусульманских народов. Так, на примере киргизов он различает исповедание мусульманской религии (религиозно-конфессиональный аспект) и называние себя мусульманами (самоназвание, или этноним) [3, с. 72]. Заметим: компетентное разграничение собственно религиозности и религии в составе комплекса традиционной социокультурной идентификации

редко встречается в публикациях о религии, этнической культуре в Казахстане последних десятилетий и данных исследований современной религиозности, этничности казахстанцев.

Описывая быт китайцев, Ч. Валиханов отвлекается на, казалось бы, посторонние размышления о существе цивилизаций Китая, Рима и Европы. Современный Китай напоминает исследователю древний Рим в период перед его падением. Он видит и качественное отличие от Рима: варвары, завоевавшие Китай, сами делались китайцами, так сильно влияние китайской цивилизации. «Отчего образованный Рим не мог подчинить своему влиянию варваров?» [4, с. 220]. Рим был разрушен христианством, которое не смогло «вкорениться» в римлян, но успело повергнуть язычество, замечает мыслитель. «Римляне были без веры, следовательно, без путеводителя». В Китае иная ситуация, поскольку существует веротерпимость: «...варварам нельзя было не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины их *ненавидеть и презирать*. Народы, покорявшие Китай, были сами веротерпимы» [4, с. 220]. В Европе германцы, как все «новокрещенцы», отмечает Чокан, стали причиной падения римского и языческого образования, противопоставленного духу христианства. Германцы стали «причиной их возрождения, только в другом виде, в другой одежде, под влиянием другого путеводителя – креста» [4, с. 220]. И знаменательный вывод: если бы Китай был завоеван «народом христианским или мусульманским, он пал бы, и вся эта всемирная глубокая его образованность или уничтожилась бы без следов или же пошла бы вперед, сделавшись только средством к новому возрождению» [4, с. 221].

Представляется, что в этих рассуждениях из дневника 1856 года кроется кredo исследователя, общественного и государственного деятеля Чокана Валиханова. Выделим главные моменты.

По контексту последующих основных трудов исследователя ясно, что древние и современные цивилизации Востока и Запада интересуют Чокана в связи с бытием казахов. У народа богатая литература, близкая скорее индогерманскому эпосу, чем восточному, казахи связаны с русскими историческим и даже кровным родством, полагает исследователь. Исламская цивилизация середины XIX века видится Чокану навсегда оставшейся в мрачном мире невежества, он не верит в саму возможность реформирования ислама. Поэтому обращение в ислам «многочисленного и богатого» казахского этноса по инициативе христианского правительства России через невежественных и фанатичных посредников, «грозит нам разъединением народа в будущем» [5, с. 71]. Потенциальную угрозу самобытному развитию «варварского» народа в своем ландшафте и благоприятной культурной среде совместного бытия с племенами и народами России мыслитель видит в утрате образованности из-за конфликта форм «естественной» (язычество) и «тотальной» (новообращенные христиане и мусульмане) религии. Предупреждение опасности складывается из двух обязательных моментов: наличия веры-путеводителя

и веротерпимости. Отсутствие веротерпимости, т.е. господство «тотальной» религии придает вере первостепенное значение, соответственно, в условиях *ненависти и презрения* образованность вне религиозности исключена. Веротерпимость позволяет всем сохранять свою веру и, соответственно, сотрудничать в единой образованности-цивилизованности.

Особое внимание исследователь уделяет религии, которую называет шаманизмом, шаманством, жреческой верой. Понятие о происхождении язычества, предложенное Т. Карлейлем, он принимает в качестве объяснения шаманства. Ч. Валиханов полагает, что шаманизм является первой религией «среднеазийских рас» [3, с. 72]. Шаманизм в интерпретации Ч. Валиханова, как минимум, не вытесняет народную самобытность, его язык, поэзию, интеллектуальную жизнь. Соответственно, шаманизм противопоставляется тотальности и фанатизму ислама. В статье «Следы шаманства у киргизов» он отмечает, что шаманство является основой «смешанной веры» (шаманство и ислам) у народа. Мусульманство, замечает Ч. Валиханов, среди неграмотного народа без мулл не могло укорениться, оно оставалось формой с прежним шаманским содержанием. «Но тем не менее основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием. Небо слилось с идеей аллаха...». «Зато солнце, луна, звезды, которые не были олицетворены, пользуются до сих пор уважением, и в народе сохранились некоторые обряды их культа. Все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целостности...» [6, с. 49].

Сущность шаманизма Ч. Валиханов связывает с поклонением «человека шаманского» неизъяснимой силе, которую он видит в природе (в небе) и в себе. «Но влияние природы в этой жизни на человека, особенно младенчествующего, слишком сильно, слишком деятельно, и он должен был создать правила, которыми он руководствовался в отношении к таинственной природе, что делать и чего не делать. Вот происхождение тех обычаем и обрядов, которые мы называем теперь шаманским суеверием и которые были тогда истинной верой, верой несомненной, живой» [6, с. 50].

Представляется, что в приведенных выше суждениях Ч. Валиханова выражаются его научные взгляды на природу этноконфессионального феномена. Во-первых, шаманство связывается с *правилами взаимодействия с природой*, созданными древним человеком в форме обычаем и обрядов. Заметим: *преклонение* перед тайной силой (таинственной природой) есть «минимум определения религии» эволюционистов. Во-вторых, шаманизм в его интерпретации есть естественная религия, *истинная, живая вера*. В-третьих, среди инородческих племен России Ч. Валиханов выделяет бурят, первых среди миролюбивых. Возможно, потому что считает буддизм самым гуманным и высоким учением [7, с 81].

Убеждения Ч. Валиханова в отношении сущности религии выявить сложнее. Мыслитель избегает суждений по онтологическим проблемам.

Ясно, что Валиханов – противник фанатизма, суеверия, клерикализма в любой религии, в том числе невежества мулл, идеологии и практики военно-политического джихада в исламе, всего того, что он называет темным царством [7, с. 100]. Мусульманскую составляющую «смешанной веры» казахов называет «суннитским расколом в магометанском мире». Ученый утверждает, что мусульманские законы «никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов» [7, с. 99]. Почему введены? Его предположение: признать факт религиозного (мусульманского) раскольничества народа, входящего в состав империи, власть не могла и не умела христианизировать казахов.

Итак, Ч. Валиханов сочувствует *живой* вере и религиозному инакомыслию, считает христианство просветительным элементом, а буддизм самым гуманным учением. Он активный сторонник веротерпимости, введения светского (европейского) образования для народа наряду с компетентностью служителей культа, а также научно выверенных реформ духовной сферы России. Это гуманистическая позиция общественного деятеля, ориентированная на бытие в гражданском обществе и светском государстве.

Природа господствует в творчестве исследователя. «Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека?» [6, с. 50]. Чокан не разделяет точку зрения на народ как предопределенно развивающийся из себя феномен. «Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных. Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. Организм не может принять того, до чего он не дорос» [7, с. 80]. «Отсутствие разумного самозащищения и всякого рода пассивность, по причине неразвитости, обязывают правительство в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным» [7, с. 81]. Вот яркое предупреждение против теории и практики механистических «ускорений» социокультурного развития народов. В самом деле, предложение стать взрослым организмом, минуя детство или юность, выглядит для рассудка менее убедительным, чем экономическая программа стремительного построения социализма за десять лет или внедрение зрелого капитализма за пятьсот дней.

Полагаем, что в связи с пониманием природы человека и народа следует рассматривать принципы реформирования и смыслы понятия «демократия» в его творчестве, государственной службе и общественной деятельности.

Ч. Валиханов верит в лучшее будущее своего народа, оставаясь реалистом в исследовании его состояния. «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития». «Говоря серьезно, киргизский народ при-

надлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства» [7, с. 81]. «Наконец, в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев» [5, с. 75]. Отсюда неоднозначное, но тщательно обоснованное суждение о необходимости критического отношении к мнению народа. «Но мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей даже в обществах высокоцивилизованных бывают большую частью враждебны интересам массы, большинства. Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и направление народных мнений зависит от тысячи случайных обстоятельств и от обстоятельств, по-видимому, мелких, ничтожных» [7, с. 78].

Итак, мнение народа и знати может существенно отличаться от его действительной потребности. Где критерий, позволяющий четко разграничить действительные потребности народа и его мнение-настроение, и возможен ли такой критерий? Как избежать манипулирования мнением народа в интересах антинародных личностей и групп там, где мнение людей в качестве избирателей политической системы действительно интересно правящей элите?

У Чокана есть основа для ответа на эти вопросы. Его предвидение коренится в представлениях о роли научно выверенного управления и реформирования народного. Народные реформы, отмечает исследователь, являются самым важным общественным вопросом. «Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние, тогда только может достигнуть предположенной цели, не подвергаясь разным случайностям, когда известны общественные нужды и средства» [7, с. 78].

Кстати, он показывает сдержанность в отношении к мнениям о приоритете реформ экономических и идеи прогресса как улучшения материального благосостояния. Ч. Валиханов видит противоречие между желанием реформатора достигнуть общественной пользы и множеством исторических понятий о том, что полезно и вредно для общественного развития. «От незнания общественных нужд и от излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел... Реформы же насилистические, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие» [7, с 78-79]. Все европейские революции, начиная с 1793 года, считает Чокан, происходили из-за стремления правительства подавить свободное народное движение. Мыслитель ссылается на мнение российских историков, которые все общественные болезни и аномалии приписывают «сокрушительному и антинародному духу петровской реформы» [7, с. 79].

Как избежать трагических ошибок реформирования? Следовать методу культивирования растений: доставить растению всё, в чем оно нуждается и устраниТЬ всё то, что ему мешает, считает Чокан. «Условия племенного организма среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обусловливаются совокупным влиянием физических и социальных условий» [7, с. 79]. Чокан разделяет суждение Д. Милля: прежде чем давать новые права людям какого-либо сословия, необходимо сделать точные научные исследования «об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия» [7, с. 78]. Исследователь, в частности, применяет этот принцип в осмыслении судебной реформы и приходит к обоснованному выводу: суд биев в отношении казахов имеет некоторые преимущества перед судом мировым [7, с. 95].

Идеалом научности Ч. Валиханова мы завершаем выявление оснований по нашей проблеме. Следует отметить гражданское мужество Ч. Валиханова, проявленное в полной реализации принципа научности применительно к исследованию бытия своего народа.

Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отмечает Чокан, отличает все кочевые расы. Причины этого явления «нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствия этого влияния. Мы же представим только факты и данные» [8, с. 304]. Прозрачная позиция. Ч. Валиханов, как исследователь, отстраняется от суждений по методологическим и мировоззренческим проблемам, четко разграничивая свою научную компетентность – факты и данные – и методологическое основание собственной исследовательской деятельности – концепцию природы в связи с бытием человека и человечества.

Выше отмечались мнения европейских ученых – Т. Карлейля, Д. Милля, которые Чокан принимает в качестве исходных для своих положений. Полагаем, что для практики отождествления исследователя Ч. Валиханова с научно-философской позицией этих и других мыслителей, чьи идеи корректно использует Чокан, у нас нет достаточного основания. Мы привели исчерпывающее суждение Чокана на этот счет, об этом говорят и его труды. Другое дело методология и метод Ч. Валиханова. Считаем, что Чокан фактически опирается на диалектический метод: выявление взаимодействующих противоположностей в объективной реальности и процессе осмысливания ее – характерная черта его исследовательской деятельности.

Метод Чокана можно детально проследить на примере принципов исследования суда биев в изложении исследователя. «Упрекая киргизскую знать в голословности, мы сами не будем голословны. С этой целью мы рассмотрим теперь суд биев в его сущности, чтобы увидеть смысл и характер этого института. Затем, на основании статистических и других достоверных фактов, постараемся определить, в какой степени суд биев удовлетворяет или не удовлетворяет современному развитию киргизского народа, и в заключение

для окончательного вывода сравним, насколько суд биев согласуется с главными началами проектированного правительством мирового суда и в какой мере последний применим к быту киргиз или не применим вовсе» [7, с. 85].

Итак, чтобы увидеть явление в целом, в том числе очистить его от голословных предположений лиц, маскирующих свои интересы популизмом, нужно выявить сущность суда биев. Затем, на основании достоверных фактов, определить степень соответствия документа, в данном случае проекта мирового суда, действительному состоянию развития народа. Наконец, найти меру целесообразности проекта мирового суда для бытия казахского народа, имеющего выверенную традицию суда биев. Перед нами оригинальный и реальный диалектический метод научно-философского освоения мира и человека.

Подведем итог. Чокановское служение научно достоверным фактам и данным на основе взвешенного методологического и мировоззренческого плюрализма воздвигло его над временем (навсегда) и пространством (всюду). Результаты комплексных социокультурных исследований человека и сообществ людей, представленные в его уникальной интерпретации, его мужественные идеи и тщательно аргументированные конструктивные предложения по управлению обществом продолжают работать в нашей повседневности. Зачастую мы не знаем подлинного автора или почему-то не ссылаемся на Чокана. Но Ч. Валиханов по-прежнему наш современник, соавтор реформирования нашего динамичного сообщества, в том числе в части межнационального и межконфессионального согласия, со-бытия.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. – В 2-х томах. Т. 2. Отв. ред. А.В. Гулыга. – М., 1975.
2. См.: Дик П.Ф. Этноконфессиональный феномен в современной религии и духовной культуре // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием / Под общ. ред. Л.И. Пахарь. – Орел, 2010. – С. 77-84; Дик П.Ф. Основы религиоведения (этнокультурный аспект): Учебник для слушателей юридических специальностей. – Астана-Костанай, 2000. Гл. 4-7, 11 и др.
3. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. – Алма-Ата, 1985.
4. Валиханов Ч.Ч. Западный край Китайской империи и город Кульджа // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. С. 174-247.
5. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. – Алма-Ата, 1985.
6. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4.

7. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4.

8. Валиханов Ч.Ч. Заметки по истории южносибирских племен // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1.

Түйін

Дик П. Ш. Уәлиханов мұрасын зерттеу әдіснамасына

Дін мағынасының авторлық концепциясында автордың ғылыми-философиялық әдісімен іске асырылған Ш. Уәлиханов шығармашылығының этноконфессионалық аспектісінің болжамы ұсынылыш отыр.

Summary

Dick P. On the Methodology of the Research of Ch. Valikhanov's Legacy

The version of ethno-confessional aspect of creativity of Ch. Valikhanov that has been carried out by a scientifically-philosophical method of the author in the author's concept of essence of religion is presented.

